

Расходная сказка

Старый маг Протерий сидел в своем кабинете и занимался самым необходимым делом – взвешивал на призрачных весах честность очередного ребенка. А еще храбрость, преданность, ум. Один единственный образ души, как многоцветный шар, лежал на еле видимых чашах, и дюжины коромысел, как солнечные лучи, расходилось в стороны. Душу надо было взвешивать одновременно на многих чашах, чтобы понять, какой ребенок отражается в зеркале.

Нужен он ему или нет?

Кабинет выглядел довольно захламлѐнным. В дальнем, темном углу, на высокой кедровой жердочке сидели голубь и ворон. Оба старые, с поблекшими перьями, они могли летать только по коридорам замка и почти все время спали.

На стене, прямо перед столом, висела большая хрустальная глыба, в которой порой отражались лица его друзей. Только сейчас там виднелась какая-то горная долина, будто с высоты птичьего полета. Еще в кабинете было много чучел, оружия, книг и выцветших свитков пергамента.

Хотя всё это выглядело до ужаса романтично, таинственно и захватывающе, опытный глаз, скажем, другого волшебника, сразу бы определил, что Протерий не купается в роскоши. Даже настоящей саламандры в камине не водилось, а только простенькая иллюзия пламени.

Это и понятно. Во всем королевстве уже много лет не пахло настоящей роскошью. Маги на скорую руку вычаровывали позолоту, забывали ремонтировать штукатурку и почти не вытирали пыль.

В Кахтии шла война.

Одна из тех странных, мало понятных войн, когда первая половина громадного королевства жутко ненавидит вторую. Гражданская война. Тяжелая и кровавая. Бесполезно говорить о её причинах. Все давно предали друг друга, забыли о чести и долге, изверились. Добро и зло перемешались в грязи на полях битв. Надо было только воевать, стараясь выжить самим и убить больше врагов.

Ковалось оружие. Тренировались солдаты. Армии шли в бой. Но ведь Кахтия - волшебное королевство. Потому вместе с конницей дрались кентавры. Птицы выпускали когти, бросаясь в лица бойцам, деревья выдирались из земли, смешивая воинские порядки. Реки поворачивали свое течение, а ветра становились ураганами.

Маги, которые много лет подглядывали за другими мирами, давно бы уже провели мобилизацию, создали бы порох, организовали бы генеральный штаб. Ради победы, что с каждым годом становилась все дальше, они бы раскопали все рудные жилы, перегородили бы плотинами все речки и вырубали леса.

Но у магии нет выходных дней, её не уговоришь исчезнуть на полчаса. В Кахтии бесполезны хитроумные механизмы, детальные планы и статистический анализ. Техника разваливалась в решающую минуту. Даже самые прочные стальные доспехи порой не могли спасти от деревянной стрелы.

Храбрость и долг. Преданность и надежда. Вера и везение. Только они решали исходы битв. Без них всё бесполезно.

Они то и нужны были Протерию, как многим волшебникам до него. Настоящие, чистые, не тронутые сомнением или образованием. Человеческие. И взять их можно в другом мире.

Когда перенос прошел первый раз – на него пришлось потратить всех огнешкурых лемуров, всю желчь нетопырей и остатки надежды. Под заклинание подогнали пророчество, принесли жертву, выстроили специальный храм. Их было пятеро, тех детей, которым надлежало принести победу. Они воплощали пять качеств, что чаще других требовались в боях. Честность. Самоотверженность. Доверие. Везение. Сочувствие.

В их руках оживали самые старые амулеты, они легко вызывали сильнейших джиннов. Повелевали стихиями. Мирили полководцев. Все вокруг боготворили детей, желали прикоснуться к ним и сердца кахтийцев наполнялись счастьем.

Армии шли за ними, веря в победу. Солдаты становились героями только от одного их присутствия. Среди своих исчезло предательство. Удача сопутствовала войскам.

И победа была близка, так близка.

Только вот ничего в итоге не получилось. Кровь и смерть. Труд и усталость. Монотонная рубка день за днем. Штурмы замков и сожжение городов. Изыскание добычи.

Первой сломалась та девочка, что несла в себе доверие. Она плакала всю ночь, дежурная смена волшебников сообразила, в чем дело, но помочь не смогла. Сердце разорвалось с первыми лучами Солнца. Потом мальчишка, который сочувствовал раненым. Он больше не мог отличать своих от чужих – и сил его не хватило на всех. Раны по армии стали заживать, как и раньше. Медленно. А сам он умер от чумы. Следующей пришла очередь девочки-везения. Её понес вороной единорог, и не помогло даже то, что он был говорящим.

Два брата-близнеца - честность и самоотверженность – держались дольше других. Волевые ребята. Они и сейчас, быть может, дерутся в рядах. Старые ветераны, все в шрамах. Они могут, подмигивая, убить человека, и почти забыли, откуда пришли. Каменный цинизм не позволяет их сердцам принять ни одного заклинания.

А потом враг сам смог найти дорожку в другой мир – и его рати вернули себе все потерянное. Ведь что есть пророчество о победе? Средство для борьбы с пророчествами противника. И его могут применить обе стороны.

Протерий зябко пошевелил пальцами, призрачный шар поднялся с чаш весов и теперь как маленькая шаровая молния висел перед глазами. Только молнии не сжимаются в такт пульсу. Магу нужен был аромат, еле уловимый дух, идущий от шара, суть души.

Ведь к людям невозможен халтурный подход?

А до халтуры было рукой подать. Тогда большой совет магов решил брать количеством, чтобы в армии всегда имелись незачерствевшие людские сердца. Детей начали красть десятками. Это были самые странные дни, из всех, которые только помнил Протерий. Замок Асколон стал школой волшебства. Дети учили Слова и Знаки. Вокруг на сотни

стадий все расцвело. Весна длилась полгода. Надежда, казалось, готова жить в душах до скончания веков.

И пошли вахты на фронт.

Дети возвращались не сгоревшими. Опаленными. Не циниками. Всего лишь хамами. Чуть испачкавшимися в грязи. Магам казалось, что школа станет домом пришельцев, что они полюбят её всем сердцем, и будут возвращаться туда за новыми порциями искренности. Но что-то пошло не так. Наверное, это не их война. Не получилось отгородить ветеранов от прочих, а с фронта приходило слишком много отчаяния. Школа начала гнить, как перезревший плод. Чувства умирали, магия высших порядков уходила, как вода сквозь пальцы. И тут дети решили, что сами прекрасно во всем разберутся. Маги лишние. На той стороне тоже есть люди. Можно договориться. Ведь другая школа взбунтовалась точно так же.

Они были отчаянно сильны в этом порыве. Сочетание ненависти, разочарования, обиды и капельки надежды, только настоящей, – это смертельная комбинация. Их не удержали бы все волшебники мира, все армии. Если бы дети чуть больше знали. А так на простодушного богатыря всегда найдется отравленная игла. Теперь вместо Асколона – черный кратер, до половины залитый мертвой водой. И пыльная яма на другом конце королевства.

В той битве пал брат Протерия, Ардалион. Сам он решил сделать все, чтобы люди не могли идти против жителей Кахтии.

Маг придумал дюжину стандартных легенд, которые надо рассказать новичку. О начале войны. О героях. О битвах. О любви. О смерти и воскрешении. И, конечно же, он придумал новый текст пророчества. Только там приходилось регулярно менять приметы.

Протерий сочинил предписания, как ребенка надо катать на грифоне - только четыре раза, чтобы не привык. Вставил указание, что дракон один раз должендохнуть на чужака пламенем – когда на нем защитный амулет. Как надо учить ребенка владеть оружием, обязательно холодным. Как новичка следует кормить, одевать, восхищаться им. Каждый землянин должен чувствовать себя первым в королевстве.

Слуги, приставленные к ним, брали уроки у лучших актеров и знали, что за лишние слова поплачутся вечными муками. Да они и не могли сказать лишнего – оставляли память на входе в замок. В кристаллах.

Протерий знал, что все никогда не идет по плану, даже если ты сам его напорожил. Тайны должны окружать прибывшего – и все до одной придуманные. У него должны завестись друзья, все до одного зачарованные. Гостям надо дать почувствовать мощь колдовства, но мощь эта должна впечатлять лишь их.

И когда ребенок выучит достаточно, чтобы выйти в поле с дружиной или начать говорить Высокие Строки – он тут же должен это сделать. Пока сердце не разобралось, в чем же тут фальшь. Пусть он не выйдет из боя, пусть сгорит от мощи заклинания. Всё равно будет польза. Большая.

И вот этот мальчишка, лицо которого Протерий видит в зеркале, а отблеск души пульсирует над столом – он подходит.

В нем есть живость ума, но без глубины. Он боевит и отчаян, но не расчетлив. Романтик, он так искренне верит в свет и тьму, как могут верить лишь дети. И у него еще нет крепких корней, что привяжут к родной земле.

Теперь надо подготовиться. Негоже являться мальчишке прямо так – с хмурой, отрешенной физиономией. Да еще в этой дурацкой кабинетной мантии, латки на которой могут стать видны от слишком сильного заклинания.

Хрустальная глыба на стене стала еще одним зеркалом. Протерий менял внешность. Добрый и мудрый взгляд. Окладистая седая борода. Старые, но крепкие пальцы. Посох нужен редко, а от мантии он отказался совершенно – ему вечно хотелось сделать её маскировочных оттенков. Получалась или невидимка, или плащ-палатка. Лучше брать что-то обыкновенное для той части света. Да, чуть не забыл – легким движением он развеял призрак души.

Наконец, два последних ингредиента.

Жест доверия. Маленькая, но правдивая услуга, которую наполовину воплотившийся призрак должен оказать ребенку. Протерий хватал мальчишек и девчонок за локти, когда те неосторожно начинали переходить дорогу. Приходилось выжидать, ловить момент, но ведь он не лгал?

Имя. Оно загоралось поверх изображения в зеркале. Его нужно было запомнить, но лишь до момента смерти очередного гостя.

Пожалуй, уже можно. Протерий еще раз осмотрелся – всё ли в порядке – и встал прямо перед зеркалом. Как рыбак перед речкой. Ждать несколько часов, когда можно будет совершить легкое, почти незаметное движение, материализоваться в том мире и, улыбаясь, сказать своё первое слово.

- Осторожней.